

**Лингвокультурный трансфер:
представления о мире в древних традициях ***

С. Г. Проскурин

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Описывается проблема лингвокультурного трансфера в древних традициях. Знания, стоящие за словарем, имеют тенденцию к трансферу из традиции в традицию. В результате в культуре мы имеем структурные аналоги в виде фреймов. С нашей точки зрения, это стало возможно благодаря лингвокультурному трансферу знаний о мире, стоящих за словарем древнегерманских народов. В свою очередь, эти данные, полученные на лингвистической основе, прямо связывают происхождение древнегерманских слов со значением «срединный мир» (др.-герм. *midjagardaz) с символикой центральной точки мира-центра вообще, культурной универсалии, типичной в мифологической традиции разных народов. Далее культурный трансфер проходит по линии развития представлений дерево – середина – крест. Центр мира в виде языческого космоса конвертируется в христианскую символику, иллюстрируя христианскую структуру

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Проскурин С. Г. Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 220–232.

знания, стоящую за словарем. Лингвокультурный трансфер дерево – крест свидетельствует о сложности представлений о мире и о формах их изменчивости в древних традициях.

Ключевые слова: лингвокультурный трансфер, структура знания, фрейм, филиация.

УДК 003

Контактная информация: Проскурин Сергей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия, s.proskurin@mail.ru)

В процессе анализа лингвокультурного материала в ранний период намечается одно важное предположение. Если в древний период и не происходило «буквальное» заимствование культурных представлений о мире, то в структурном плане речь могла идти о трансфере знаний о мире и окружающей среде. Структуры знания, стоящие за словарем, претерпевали филиацию из одной традиции в другую, а потом формировали структурные аналоги в виде фреймов перцепции мира относительно схожих для многих культур. В результате возникли структурные аналоги манифестируемого знания, которые позволяют реконструировать некоторые искомые концептуализированные области лексики, имеющие сходные мотивы интерпретации. Наша гипотеза заключается в том, что концептуализированные области и есть результат лингвокультурного трансфера знания, лежащего в основании культурной лексики.

Итак, с позиции семиотики мы имеем денотативные и сигнификативные группировки слов в языках. К денотативным относятся такие имена, как рубанок, стамеска и т. д., к сигнификативным группировкам – вера, надежда, любовь. Однако имеются и смешанные сигнификативно-денотативные образования, в которых материальный объект совмещается с абстрактным представлением в неразрывном единстве.

К примеру, речь может идти о судьбе и ее многочисленных материальных метках в виде нити шерсти, весов и т. д. Согласно нашей гипотезе в таких концептуализированных областях происходит процесс лингвокультурного трансфера, который позволяет совместить знание о принципах концептуализации и саму концептуализацию.

В древнегерманском ареале отмечено наличие концептуализированной области 'мир', в которой совмещены, с одной стороны, материальные метки мира: дерево, столп, гора, а с другой – идея середины, центра мира.

Принцип совмещения концепта и метки мира один и тот же, но наполнение разное. С нашей точки зрения, это стало возможно благодаря лингвокультурному трансферу знаний о мире, стоящих за словарем древнегерманских народов. «В свою очередь, эти данные, полученные на лингвистической основе, прямо связывают происхождение древнегерманских слов со значением “срединный мир” (др.-герм. *midja-gardaz) с символикой центральной точки мира-центра вообще, культурной универсалии, типичной в мифологической традиции разных народов. В мифопоэтической традиции центр всегда есть “область в высшей степени священного, область абсолютной реальности” (М. Элиаде)» [Проскурин, 1990, с. 16].

Именно это знание служит предметом «конвертации» от традиции к традиции. В процессе лингвокультурного трансфера наблюдается полисемантическая. Прежде всего перенос информации происходит по линии центр, середина мира в виде точки, а также по линии семантики «срединное огороженное пространство». В результате лингвокультурного трансфера знания именно сакральный характер «центральной точки мира» позволяет понять метонимический перенос этого термина на обозначение «мира вообще» и именно таким образом совместить две названные концепции. Восстанавливаемая так картина дописьменного периода свидетельствует: центр древнегерманского мира совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов (центр, огороженное место и т. д.), демонстрирующих неоднородность и неизотропность архаического космоса (ср. типологическую схему мифопоэтического пространства самых разных культур: жертва на алтаре в центре – храм – свое поселение – своя страна и т. д.).

В энциклопедии «Мифология» под редакцией Е. М. Мелетинского перенос информации о лексеме *midja-gardaz развивается по следующему сценарию: Мидгард букв. «среднее огороженное пространство», в скандинавской мифологии «средняя», обитаемая часть мира на земле. В то же время история слова *midja-gardaz свидетельствует о потенциальной связи самой лексемы с архитектурным символом в виде дерева Иггдрасиль. Е. М. Мелетинский отмечает: «Иггдрасиль в скандинавской мифологии дерево мировое – гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, древо жизни и судьбы, соединяющее различные миры – небо, землю, подземный мир, всего девять миров» [Мифология, 2003, с. 229–230]. Таким образом, с позиции лингвокультурного трансфера можно связать статьи «Мифологии» «Иггдрасиль» и «Мидгард». Структура знания, стоящая за словарем, позволяет переходить от одного представления к другому. Лингвокультурный трансфер связывает концепт *СЕРЕДИНА* с различными материальными метками. В случае с ясенем Иггдрасиль меткой середины мира служит дерево, а в концепции «Мидгард» – обжитое пространство. Приведем выдержки из статей об Иггдрасиле и Мидгарде, свидетельствующие о космологической вписанности последних:

На вершине Иггдрасиля сидит мудрый орел, а между его глазами – ястреб Ведрфельнир («полиявший от непогоды»), корни Иггдрасиля гложут дракон Нидхегг и змеи. Перебранку между орлом и драконом переносит снующая пол стволу белка Рататоск («грызозуб») – посредник между «верхом» и «низом». На среднем уровне четыре оленя щиплют листья Иггдрасиля. [...] «Иггдрасиль связан с единической мифологией. Слово *Иггдрасиль* буквально означает «конь Игга» (Игг – другое имя Одина) и отражает миф о мучительной инициации (шаманском посвящении) Одина, который провисел, пронзенный копьем, девять дней на этом дереве. Это название, возможно, подчеркивает роль Иггдрасиля как пути, по которому обожествленный шаман (каким отчасти является Один) странствует из одного мира в другой [Мифология, 2003, с. 230].

Мидгард (букв. «среднее огороженное пространство»), в скандинавской мифологии «средняя», обитаемая человеком часть мира на земле. Термин *Мидгард* известен также западным германцам. Создание Мидгарда ставится в связь с поднятием земли (вероятно, из первичного мирового океана). Согласно «Речам Гримнира» («Старшая Эдда»), стены Мидгарда сделаны из ресниц первосущества – великана Имира [Там же, с. 365].

Лингвокультурный трансфер позволяет совместить две вышеназванные концепции мира через развернутую концептуализацию середины. Середина может быть как географической точкой центра мира, воплощенной архитектурным символом, так и некоторым срединным пространством или средиземьем.

Не случайно далее лингвокультурный трансфер этих концептов пролегал в произведениях Дж. Р. Толкина. Перейдем к современному произведению автора «*Lost road and other writings. The History of Middle Earth*». Выдающийся британский писатель и филолог снабжает труды по истории Британии своими же вымышленными этимологиями, которые в некоторых случаях прямо соответствуют этимологическим интерпретациям, предложенным учеными – исследователями. Здесь мы не можем пройти мимо центральной этимологии Дж. Р. Толкина *Middle-earth*. Согласно нашей интерпретации, лексема *middle-earth* восходит к др.-герм **midja-gardaz* и обозначается как партитивный оборот-центр мира, а не только как «срединное огороженное пространство» или средиземье. Интуитивно английский филолог интерпретирует указанное имя на эльфийском языке как *ambar-endja*, что означает центр мира [Проскурин, 2004, с. 239]. Таким образом, в произведениях Толкина мы встречаемся с интуитивным лингвокультурным трансфером концептов *ЦЕНТР МИРА* и *СРЕДИЗЕМЬЕ*, которые параллельно сосуществуют.

Итак, лингвокультурный трансфер связывается и с понятием точки, и с понятием некоторого срединного пространства. Так, идея символизации мира в виде здания находит отражение в древнеанглийском памятнике «Беовульф». Способность мифопоэтического пространства сужаться

до точки и расширяться до некоторого обжитого пространства иллюстрируется основным местом действия эпоса – замком Хродгара: *Pa ic wide gefraegn weorc gebannan manigre maegþe Þisne middangeard... scop him Heort naman, se þe his words geweald wide haefde* (B.75–79) «Слышал я повсюду, что дворец возводить со всего срединного мира... нарек его Хеорот, тот, кто власть слова везде имел». Этот фрагмент иллюстрирует значимость ониматического акта в традиции. Придание построенному зданию имени рассматривается как заключительный акт строительного ритуала, и только получение имени гарантирует включение дворца в структуру мира (ср. положение о номинализме как ведущем принципе мифопоэтической традиции). По мнению В. Н. Топорова, согласно архаическим представлениям, при постройке здания сначала обеспечивается реальность места с помощью освещения соответствующего участка земли, т. е. превращения его в «центр». Анализ тематических структур высказывания позволяет установить непосредственную связь между идеей центра и названием дворца – др.-англ. *Neorot* букв. «олень». Наречение места действия в эпосе глубоко мифологично по своей сути, поскольку в мифологии как древних исландцев, так и англосаксов олень выступает в качестве основного рогатого животного у «мирового дерева», где он достигает вершин, перерастая рогами высоту среднего мира и представляясь как созвездие [Степанов, Проскурин, 1993, с. 26]. За счет лингвокультурного трансфера концепта идея дворца начинает ассоциироваться с центральным сакральным местом.

В готской традиции обнаруживается комплексная мотивация концепта *МИР*, поскольку гот. *fairhwus* «мир» можно совместить с гот. *fairguni* «гора» и и.-е. *perkwus* «дуб». Мы определяем лингвокультурный трансфер как глубинный индоевропейский перенос на базе «дерево – середина». В целом, констатируется множество индикаторов середины, но самым глубинным оказывается дерево.

«В архаической индоевропейской культурной традиции ‘Средний мир’, соотносимый со средней частью ‘Мирового дерева’, объединяет основных (участвующих в земных делах) богов, людей, домашних животных и диких четвероногих животных. Семантика ‘Средний мир’ обозначалась, очевидно, лексемой *med^[h]iō*: др.-инд. *Madhya* (ср. р.) ‘середина’, ‘промежуточное пространство (между небом и землей)’, *madhyama* – ‘средний’ (о промежуточном пространстве), др.-исл. *Miðgarðr* – ‘Средний мир’, ‘земной круг’ (общегерм. **midja-gardaz*), ср. лит. *medžias* – ‘дерево’, лат. *mežs* – ‘лес’, ‘дерево’, прус. *median* – ‘дерево’, ср. рус. диал. *межа* – ‘лесок’. Такое развитие значения ‘средний’ → ‘дерево’, ‘лес’ явно указывает на первоначальную соотношенность лексемы *med^[h]iō* ‘срединный’ со срединной частью дерева, символизирующего мир [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485]. Номенклатура центра мира в древнегерманской традиции в виде горы Асгард, мирового столпа Ирминсуль, а также дерева является неравнознач-

ной. Наиболее глубокие индоевропейские корни этого представления связываются с отношением дерево – середина. Именно эти основания дают почву для утверждения, что именно концепт *ДЕРЕВО* связан с концептом *СЕРЕДИНА, ЦЕНТР*:

On foldan faegre stode
Wudubeam wlitig, se waes wzrtum faest /
Beorht on blaedum naes he bearwe gelic/
Ac he hlifode to heofontunglum/
Swilce he oferfaeðmde foldan sceatas,
Ealne middangeard oð merestramas/
Twigum and telgum
(Dan.A 498-504)

На земле прекрасной стояло дерево красивое, оно было корнями крепкое, яркое плодами, не было оно равное роще, однако вознеслось к небесам, так оно объяло земные просторы, весь срединный мир до морей-океанов ветвями и ветками. Сакрально-значимое центральное место мира занято деревом wudubeam (ср. лит. vidurys «средний»), крона которого простирается над миром, ограничивая его по горизонтали, ствол представляет ориентир по вертикали, корень является символом низа.

В германской традиции изначально лингвокультурный трансфер развивался по схеме «дерево» – «середина», прочие же метки центра мира у германцев, вероятно, были не актуальны. Так, центр мира может символизироваться выступающим вверх камнем, ямой – «пупом земли», и т. д.

Следовательно, возвращаясь к готской традиции, мы отмечаем лингвокультурный трансфер дерево – гора – мир, который является готской инновацией, а старые связи дуб (дерево) – мир представлены на этимологическом уровне и репрезентируют сердцевинные представления древних германцев о мире.

Как отмечают В. В. Фещенко и С. Ю. Бочавер, «исследование культурных трансферов предполагает изучение взаимодействия между культурами и сообществами, а также между различными фракциями и группами внутри одной или нескольких культур в их динамическом развитии» [2016, с. 7].

«Само существование концептуализированных областей (или областей, где совершаются трансферы. – С. П.) запрограммировано в коллективной памяти и культуре наличием того, что – как бы не называть – составляет “глубинные праобразы”, “архетипы” и т. п. “Формами придания смысла, – пишет К. Юнг, – нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета”. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов. С какой бы стороны мы не брались за вопрос, в любом случае необходимо обратиться к истории языка и мотивов» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 24]. Концепт *ЦЕНТР МИРА* являет-

ся, таким образом, примером особой области, в которой синонимизируются (в этом значении) различные по происхождению слова / корни.

Как пишет Ю. С. Степанов, «в некоторых индоевропейских языках наблюдается тесная семантическая ассоциация, “сцепление смыслов” между понятиями “дерево” и “середина”. Прежде всего это отмечается в корне *medh-, который дает, с одной стороны, например в балто-славянском ареале, лит. medis дерево, а с другой – слав. *medja, русск. межа ‘середина, граница между двумя участками’ (сюда также относится и предлог *между*)» [1995, с. 15].

«На первый взгляд сразу можно было предположить, что здесь перед нами какое-то специфическое “отношение смыслов” ‘дерево’ и ‘середина’, нечто вроде частного “семантического закона”. Наподобие, например, такого семантического закона, как перенос обозначения “сосуд” на содержимое сосуда (например, две ложки масла) или перенос обозначения “граница пространства” на все пространство в данных границах (например, войдите в круг). Но последние – действительно универсальны, тогда как отношение “дерево” – “середина” в других ареалах не встречается и, следовательно, вовсе не является универсальным» [Там же]. «Итак, в этом фрагменте индоевропейского словаря и культуры, мы констатируем, с одной стороны, некий достаточно обширный семантический фактор – сильную ассоциацию между понятиями “дерево” и “середина”, а с другой – эта ассоциация никоим образом не носит характер универсальной семантической закономерности. Мы, таким образом, имеем дело с ареальным явлением в индоевропейской культуре» [Там же, с. 16].

Первое краткое научное описание концепта мирового дерева на материале германской культуры дал Я. Гримм в «Немецкой мифологии». Этому сюжету уделил внимание А. Веселовский. Первое развернутое описание принадлежит Уно Хольмбергу. Он, в частности, показал (опубликовал и фотографию), что в финских деревнях можно встретить «мировой столп» (аналог «мирового дерева») прямо в центре поселения. Этим осуществлялась естественная для многих народов ассоциация понятий «центр мира» и «центр нашего мира». «Центр мира» может рассматриваться как находящийся «где-то здесь, рядом, там, где живем мы».

Имеется типологическая параллель «дерево» – «середина» в тюркском ареале: тюрк. altin terek букв. «золотое дерево», чагатайск. täräk «тополь», киргиз. «осина», но, с другой стороны, orta terek букв. «средний тополь» – обозначение среднего пальца в игре-считалочке «Сорока-ворона» в казахском и татарском языках. Лингвокультурный трансфер имел место и в тюркском ареале, где представлены ряд сакральных объектов «дерево – гора – бог – мир» и обнаруженные М. Московым трансформации рунического знака бога Тенгри (рис. 1).

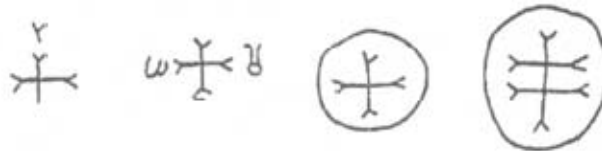

Рис. 1. Трансформация дерево – крест в символике древнеболгарской традиции

С лингвокультурным трансфером в традиции связываются трансформации знака. С принятием христианства знак бога Тенгри, обозначающий также и дерево, превращается в знак креста. Как показал болгарский исследователь, руническая запись имени Тенгри, состоящая из четырех знаков, полиграмма, превращается постепенно путем сокращения в монограмму, которая становится в конечном счете идеограммой. Этот конечный знак имеет следующий вид: [Y].

Приведенный знак в контексте древнеболгарской культуры бытует как символ верховного божества, магический знак, талисман. По мере утверждения христианства он превращается в знак креста – этот процесс последовательно восстанавливается по археологическим данным и изображениям на амулетах. Причем конечный знак – крест или сдвоенный крест, может быть по своему сложению истолкован двояко: или как прибавление развилки на каждом из четырех концов креста, или как сложение в центральной точке четырех знаков Тенгри, «четырёх игреков» (см. [Москов, 1987]).

С наиболее интересным примером подобной записи креста мы встречаемся при анализе надписи болгарского царя Самуила, датируемой 993 г. (см.: [Хабургаев, 1986, с. 40]. В прориси надписи хорошо видны Y-образные элементы креста, первоначально означавшие мировое дерево. Итак, в семиотическом эволюционном ряду «дерево» – «крест», второй предмет – заместитель – сохраняет характерологические черты первого в своем внешнем облике (см. также: [Кэмпбелл, 2004, с. 249]).

Лингвокультурный трансфер «мировое дерево» – «крест» встречается в ряде традиций. «Это отождествление креста с «Мировой осью» отчетливо выражено в девизе монахов-картезианцев «*Star Cruх dum volvitur orbis*» (Крест стоит, меж тем как мир вращается). Ср. символ «Держава», где крест, венчающий Полюс, занимает место оси (рис. 2) [Генон, 2008, с. 210].

«В китайской символике известно дерево, концы которого соединяются попарно, изображая синтез противоположностей или разрешение дуальности в единстве; таким образом получается единое дерево, ветви которого разделяются и вновь соединяются своими концами <...>. В Древе, о котором идет речь, имеются трехлопастные листья, связанные с двумя ветвями одновременно, и цветы в форме чашечки <...> это процесс универсального

проявления: все исходит из единства и возвращается к единству; в интервале возникает дуальность – разделение или дифференциация, результатом чего является фаза проявленного существования; идеи единства и дуальности, стало быть, здесь соединены, как и в других изображениях» (рис. 3) [Там же, с. 211].

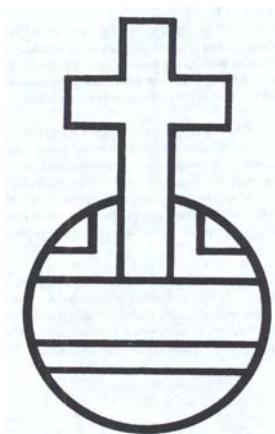

Рис. 2. Крест торжествующий

Рис. 3. Китайское изображение Мирового Дерева: каждая ветвь (Инь и Ян) порождает цветок – единое Первоначало

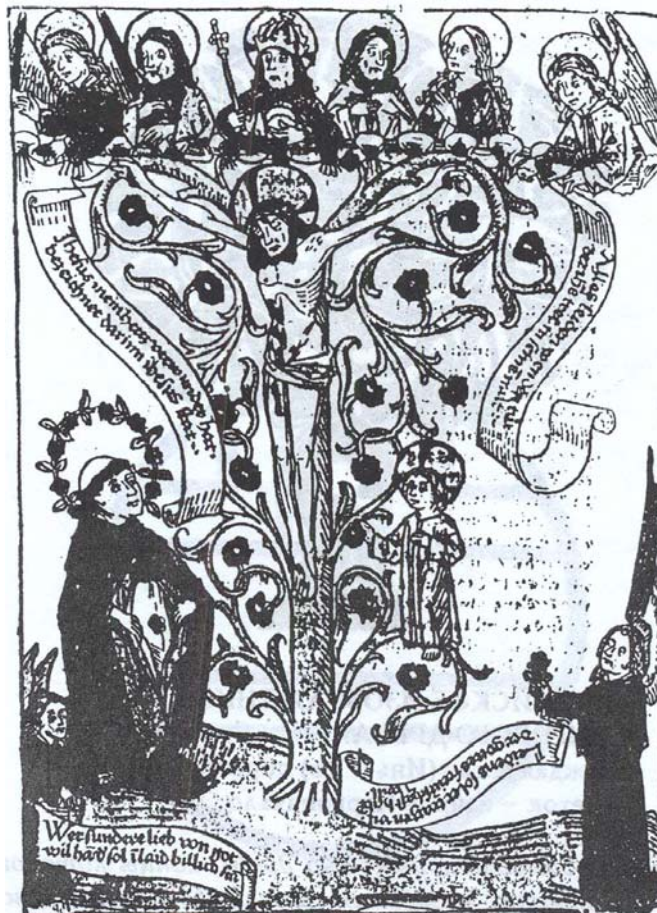

Рис. 4. Распятие как Процветшее Дерево

Одним из вариантов мирового дерева является его христианский образ процветшего дерева. Генрикус Сузо (1295–1366) – выдающийся раннегерманский мистик. Мистические видения Сузо изобиловали символическими образами. Себя он назвал «Служителем Вечной Мудрости», отождествляемой с Христом. Приводимая иллюстрация (раскрашенная гравюра на дереве) взята из книги «Das Buch gennant Seuse», 1482, где содержатся все его основные работы (рис. 4).

На дереве, процветшем розами, распят Иисус Христос, над ним 6 полуфигур ангелов и святых. Роза была для Сузо символом особой важности. Полагают, что он первым ввел ее как символ страстей Христовых.

«Вертикальная линия креста – образ Мировой оси – представляет собой ствол Древа, тогда как горизонтальная линия образует его ветви. Это Древо возвышается в центре мира... в библейской символике, в частности, это – Древо жизни, растущее посреди земного Рая, который сам представляет центр нашего мира» [Генон, 2008, с. 212–213].

Любопытно, что сам символ христианства – крест, описывается изготовленным из остова срубленного дерева:

besnaedan twigum and telgum and þeh tacen wesana (Dan. 515–516)
...отрезать ветки и ветви, и будет крест.

По другим германским представлениям, крест является проросшим мировым деревом (*mittilo boum* – букв. «среднее дерево»), сохраняющим космическую функцию связующего звена между преисподней, землей и небесами. Ср.:

in erdu joh in himile unti in nidare
в землю, в небеса и в ад внизу.

В средневековых штудиях «концепт мирового дерева» переживает метаморфозу. Там часто упоминается о «перевернутом дереве» (лат. *arbor inversa*), растущем с небес на землю: «Корни его на небесах, а ветви на земле». Здесь перед нами раскрывается пример семиотического эволюционного ряда (термин, как и концепция, введены в семиотику Ю. С. Степановым), когда в эволюции предметов прослеживается преемственность, один предмет заменяет другой и становится наследником его функций (подробнее об этом см. [Степанов, 1971; Степанов, Проскурин 1993]). В течение некоторого времени второй предмет может копировать функции и формы первого, замещая его в предметном ряду (ср.: крест как предмет поклонения в христианстве заменяет дерево мира). Мы уже говорили о концепте *МИР* и его символах в культуре в связи с понятием о мировом древе. Здесь необходимо отметить выраженность таких связей по линии алфавитных представлений [Степанов, Проскурин, 1993]. Центр мира в виде языческого космоса конвертируется в христианскую символику, иллюстрируя христианскую структуру знания, стоящую за словарем. Лингвокультурный трансфер дерево – крест свидетельствует о сложности представлений о мире и о формах их изменчивости в древних традициях.

Список литературы

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2.

Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

- Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2004.
- Мифология / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
- Москов М. Прабългарски рунически знак Y за теонима Тангра // Palobulgaristica: Старобългаристика. София, 1987. Т. 11, № 1.
- Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Проскурин С. Г. Мифологический архетип как основа верификации этимологической реконструкции // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004.
- Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
- Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Введение // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016.
- Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Высш. шк., 1986.

Article Metadata

Title: Linguocultural transfer: perception of the world in the ancient traditions

Author: S. G. Proskurin

Author's e-mail: s.proskurin@mail.ru

Author affiliation: Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technical University

Abstract. The article deals with the problem of linguocultural transference in ancient traditions. Even though in ancient cultures a word to word borrowing of cultural images of the world did not take a place, but cultural transference of knowledge certainly happened by. The structures of knowledge, which stood behind the dictionary, moved from one tradition into another. They formed analogue structures in the form of frames of perception of the world which were similar for many cultures. Our hypothesis is that these transferences take place in the conceptualized domains in which merger of things and concepts occur. The concept of the world that was current in the Indo-European tradition several millennia ago is the subject of reconstruction. As reported in some works the world concept for Indo-Europeans was thought as a constituent part of mythological topic of the world tree, Indo-European **medhio*, that divides the space and creatures into three parts. The authors of "Semantic dictionary of Indo-European language" T. V. Gamkrelidze and Vyach. Vs. Ivanov built up a tree of semantic features of nonwild animated beings. The wild animals, in their turn, are subdivided into three groups, namely, creatures of the upper world [**hue(i)* bird, eagle, crane], animals of the middle world [**medhio* – wolf, bear, leopard

etc.] and animals of the lower world [*bhudhn – snake, worm, otter]. The stem *medhio is found in Old Indian *Madhya* and Old Islandic *Mithgarthr* “Middle world”. Sometimes features of a reconstruction are compatible with peculiarities of another, when they are considered altogether. Thus Old Germanic *midjagardaz was considered as a partitive phrase, that denotes an absolute center of the tradition, that is symbolically embodied in a tree, mountain, pillar, pit. The data give direct evidence of acceptability of such reconstruction in Germanic studies. So the basic semiotic categories as well as a micromotive of the world tree and taxonomies of culture are compatible with etymologies, lexicogrammatical phenomena of the languages. However such compatibility is evident only in some cultural areas, particularly, in Baltic and Old Germanic regions. One of the criteria of establishing conceptual structures is a new approach to the analysis that is a combination of the etymological analysis, on the one hand, and the analysis of excerpts from the texts, on the other hand. Linguo-cultural transference tree – middle-cross is typical of a number of ancient traditions including Old Germanic.

Key terms: linguocultural transference, structure of knowledge, frame, migration of the motive.

Reference literature (in transliteration):

Feshchenko V. V., Bocharov S. Yu. *Vvedeniye // Linguistika i semiotika kulturnikh transferov: metodi, printsipi, tekhnologii / Otv. red. V. V. Feshchenko. M.: Kulturnaya Revolutsiya, 2016.*

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. *Vs. Indoevropeskiy yazyk i indoevropeitsi. Rekonstruktsiya i istotiko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokulturi. Tbilisi: Iz-vo Tbilisskogo universiteta, 1984. T. 2.*

Genon R. *Simvolika kresta. M.: Progress-Traditsiya, 2008.*

Kempbell Dzh. *Mificheskiy obraz. M.: Izdatelstvo AST, 2004.*

Khaburgaev G. A. *Staroslavianskiy yazyk. M.: Vysshaya Shkola, 1986.*

Mifologiya / Glav. red. E. M. Meletinskiy. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopedia2003

Moskov M. *Prabolgarski runicheskiy znak Y za teonima tangram // Paleobulgaristika: Starobulgaristika. Sofia, 1987, T. 11, № 1.*

Proskurin S. G. *Drevneangliyskaya prostranstvennaya leksika kontseptualizirovannikh oblastei: diss. ... kand. filol. nauk. M., 1990.*

Proskurin S. G., *Mifologicheskiy arkhetyp kak osnova verifikatsii etimologicheskoy rekonstruktsii // Traditsionnoye soznanie: problem rekonstruktsii. Tomsk, 2004*

Stepanov Yu. S. *Semiotika. M.: Nauka, 1971.*

Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Konstanti mirovoi kulturi. Alfavitnyye teksty v period dvoeveriya. M., 1993.*